

В этом состязании будущего только смерть может помешать вам дойти до финишной черты...

Для меня Вселенная была совершенно лишена Жизни, Цели, Воли, даже Враждебности: это была одна громадная, мертвая, неизмеримая Паровая Машина, вертящаяся в своем мертвом равнодушии для того, чтобы раздроблять меня член за членом. О, обширная, мрачная, уединенная Голгофа и Мельница Смерти! Зачем Живой был изгнан сюда, одинокий, сознающий? Зачем, если нет Дьявола; зачем, если только Дьявол — не есть ваш бог?

Томас Карлейль. Sartor Resartus.
Жизнь и мысли герра Тейфельсдрека*

Я призываю всех американцев почаще ходить пешком. Это не просто полезно для здоровья, это — весело!

Джон Ф. Кеннеди (1962)

*Насос не качает, насосу хана:
Им завладела отпетая шпана.*

Боб Дилан

* Перевод Н. Горбова.

Часть I

В ПУТЬ

Глава 1

Назовите заветное слово — и сто долларов ваши! Джордж, представишь нам первых участников?

Джордж?.. Ты здесь, Джордж?

Граучо Маркс.

Телевикторина «Ставка — жизнь»

Рано утром на охраняемую стоянку въехал старый синий «форд», похожий на запыхавшуюся от долгого бега собачонку. Один из охранников, молодой человек с равнодушным лицом, в форме защитного цвета и португее через плечо, попросил предъявить удостоверение личности — синюю пластиковую карточку, — и парень с заднего сиденья «форда» протянул ее матери, а та передала охраннику. Он поднес карту к компьютерному терминалу, которому было не место в этой сельской глуши, терминал тут же заглотил ее, и на дисплее высветилось:

ГЭРРЕТИ РЭЙМОНД ДЭВИС
Г. ПАУНАЛ, ШТАТ МЭН, ШОССЕ № 1
ОКРУГ АНДРОСКОГГИН
№ УДОСТОВЕРЕНИЯ 49-801-89
ОК-ОК-ОК

Охранник нажал вторую кнопку, и все исчезло: дисплей вновь стал зелен и пуст. Им велели проезжать.

— А карточку разве не вернут? — спросила миссис Гэррети. — Я думала...

— Не вернут, мам, — терпеливо ответил сын.

— Ох, не нравится мне это! — заявила она, занимая свободное парковочное место.

Мать твердила эти слова всю дорогу, с двух часов ночи. Причем не говорила, а, скорее, стонала.

— Не волнуйся так, — отстраненно произнес в ответ Гэррети.

Он почти не слышал себя, его занимало только происходящее вокруг да мешанина из страха и предвкушения в собственной голове. Не успел стихнуть астматический хрип двигателя, как Гэррети выскочил на улицу — высокий, хорошо сложенный парень в выцветшей армейской куртке для защиты от весенней утренней прохлады.

Его мать тоже была высокой, но чересчур худой. Груды почти нет — так, едва различимый намек на выпуклости. Взгляд блуждающий, неуверенный и словно чем-то ошарашенный. Лицо тяжелобольного человека. Из-под нагромождения заколок, призванных навести порядок на голове, выбивались стального цвета лохмы. Платье висело мешком, будто она недавно сильно похудела.

— Рэй, — прошептала она заговорщицким тоном, успевшим ему осточертеть. — Рэй, слушай...

Он опустил голову и притворился, что заправляет рубашку в штаны. Один из охранников ел ар-

мейскую пайковую тушенку прямо из банки и читал комикс. Наблюдая, как он ест и читает, Гэррети в десятитысячный раз подумал: «Все по-настоящему». И впервые у этой мысли появился какой-никакой вес.

— Еще не поздно передумать...

Страх и предвкушение немного усилились.

— Поздно, — сказал он. — Вчера еще можно было, а теперь поздно.

Опять ненавистный заговорщицкий шепот:

— Они поймут, вот увидишь. Майор не станет...

— Да Майор сразу... — начал Гэррети и осекся, увидев, как сжалась мать. — Ты прекрасно знаешь, что он сделает.

На стоянку, завершив тот же маленький ритуал у ворот, въехал еще один автомобиль. Из автомобиля вышел темноволосый парень, а следом — его родители. Пару минут они о чем-то совещались, будто взволнованные бейсболисты перед игрой. У этого парня, как и у некоторых других, за плечами был легкий рюкзак. Гэррети подумал, что зря не взял рюкзак — тут он, пожалуй, дал маху.

— Ты не передумаешь, да?

Нервы ни при чем, это все совесть — совесть ее грызла. В свои шестнадцать Рэй Гэррети уже кое-что знал об угрызениях совести. Мать думала, что была слишком холодна с ним, слишком измотана, слишком зациклена на своих бедах и потому не сумела пресечь его безумие в зародыше, пресечь раньше, чем до сына добралась громоздкая, неповоротливая государственная машина с охранника-

ми в военной форме и компьютерными терминалами, раньше, чем он начал привязываться к бесчувственному лону системы, с каждым днем все крепче, — пока вчера дверь не захлопнулась окончательно.

Он положил руку на плечо матери.

— Мам, это была моя идея. Не твоя. И... — он осмотрелся: никто не обращал на них ни малейшего внимания, — я люблю тебя, но так будет лучше для всех.

— Неправда, — ответила она, с трудом сдерживая слезы. — Неправда, Рэй. Будь твой отец здесь...

— Отца тут нет, верно?

Намеренная жестокость — удар под дых, чтобы унять слезы. Не дай бог охране придется оттаскивать ее силой. Такое порой случается, он слышал. От этой мысли внутри похолодело. Он выдавил улыбку и сказал как можно ласковее:

— Не накручивай себя, мам. Хорошо? — А потом сам же за нее ответил: — Хорошо.

Подбородок у матери дрожал, однако она кивнула. Спорить поздно, ничего уже не поделаешь.

Ветер шелестел в соснах. Небо было синее; впереди ждала дорога — и простой каменный столб на границе Штатов и Канады. Тут Гэррети почувствовал, как предвкушение пересилило страх, и ему впервые захотелось поскорее тронуться в путь.

— Вот, я сама испекла. Возьми в дорогу, ладно? Не слишком тяжелые? — Мать сунула ему завернутое в фольгу печенье.

— Спасибо.

Он принял гостинец и неуклюже обнял мать, пытаясь дать ей то, в чем она нуждалась. Поцеловав маму в сухую, как ветхий шелк, щеку, он едва не расплакался сам.

Тут перед глазами возникло улыбочливое усатое лицо Майора, и он отстранился, запихивая печенье в карман куртки.

— Пока, мам.

— Счастливо, Рэй. Будь умницей.

Она минутку постояла на месте; в те мгновения она казалась ему очень легкой — словно ее, как пушинку одуванчика, вот-вот унесет прочь легкий порыв утреннего ветра.

А потом мать села в машину и завела двигатель. Гэррети стоял и смотрел. Она помахала ему на прощанье; слезы теперь свободно бежали по ее щекам. Он помахал в ответ, она тронулась, а он просто стоял, поставив руки на пояс, и думал, что со стороны, наверное, выглядит гордым и смелым. Когда машина скрылась за воротами, он вдруг почувствовал себя всеми покинутым шестнадцатилетним мальчишкой, который оказался один-одинешенек в незнакомом месте.

Он повернулся к дороге. Темноволосый парень тоже провожал взглядом родительскую машину. У него был некрасивый шрам через всю щеку. Гэррети подошел к парню и поздоровался.

Тот поднял голову.

— Здорово!

— Меня зовут Рэй Гэррети, — представился он, чувствуя себя немного по-идиотски.

— А я Питер Макврис.

— Готов? — спросил Гэррети.

Макврис пожал плечами.

— С утра весь какой-то дерганый. Бесит.

Гэррети кивнул.

Они вместе подошли к дороге и пограничному столбу. С оставшейся позади стоянки по-прежнему выезжали машины. Вдруг раздался женский крик. Гэррети и Макврис невольно подались друг к другу, но не обернулись. Впереди была дорога — прямая, широкая и черная.

— Представляю, как это покрытие раскалится к полудню, — внезапно сказал Макврис. — Лично я буду шагать по обочине.

Гэррети кивнул. Макврис задумчиво посмотрел на него.

— Сколько вешишь?

— Сто шестьдесят фунтов*.

— А я сто шестьдесят семь**. Говорят, чем ты тяжелее, тем быстрее устанешь, но я вроде в хорошей форме.

Гэррети подумал, что Питер Макврис просто в обалденной форме. Интересно, кто ему сказал, что здоровяки быстрее устают? Он хотел спросить, но не спросил. О Прогулке столько легенд и суеверий ходило — всего не упомнишь.

Макврис подсел к двум другим парням, устроившимся в тени, и Гэррети, помешкав, присоединился к нему. Макврис на него даже не посмотрел.

* 72,5 кг. — *Примеч. ред.*

** 75,7 кг. — *Примеч. ред.*

Гэррети взглянул на часы. Пять минут девятого — до старта еще пятьдесят пять минут. Нетерпение и предвкушение вернулись; он попытался их подавить, сказав себе, что надо отдыхать, пока есть такая возможность.

Все ребята сидели — группами или поодиночке. Какой-то паренек влез на нижнюю ветвь сосны и жевал там, кажется, сэндвич с джемом. Он был тощий и светловолосый, в фиолетовых штанах, голубой хлопчатобумажной рубашке и протертой до дыр зеленой кофте на молнии. Интересно, тощие держатся дольше или, наоборот, быстро сгорают?

Парни, к которым они подсели, вели разговор.

— Лично я спешить не собираюсь, — говорил один. — Зачем? Ну, получу я предупреждение, и что? Главное — приноровиться, подобрать темп. Это ключевой момент, запомните, — потом «спасибо» скажете.

Он осмотрелся и увидел подсевших к ним Гэррети и Маквриса.

— О, свежие агнцы на заклание пожаловали. Хэнк Олсон меня звать, и я иду гулять! — сообщил он без тени улыбки на лице.

Гэррети тоже представился. Макврис произнес свое имя рассеянно, не сводя взгляда с дороги.

— А я — Арт Бейкер, — произнес с едва заметным южным акцентом второй парень; все четверо пожали друг другу руки.

После недолгой тишины Макврис сказал:

— Страшно, да?

Все закивали, кроме Хэнка Олсона, — тот лишь пожал плечами и улыбнулся. Гэррети увидел, как тощий паренек на сосне доел сэндвич, смял шоколадную обертку в комок и бросил его на грунтовую обочину дороги. Этот быстро сгорит, подумал Гэррети. У него немного отлегло от сердца.

— Видите вон то пятно на столбе? — вдруг спросил Олсон.

Все присмотрелись. Из-за ветра по дороге непрерывно двигались тени, и Гэррети ничего толком не разглядел.

— Оно еще с позапрошлой Прогулки осталось, — со зловещим удовольствием сообщил Олсон. — Один парень так перетрусил, что в девять часов не смог сойти с места.

Все молча ужаснулись.

— Даже встать не смог! Схлопотал три предупреждения подряд, а в девять ноль две — путевку на тот свет. Прямо у столба.

Гэррети невольно подумал, что ноги могут отказать и ему. Вряд ли, но заранее ведь никогда не знаешь. Мысль была пугающая. И зачем это Хэнку Олсону понадобилось всех страшить?

Вдруг Арт Бейкер выпрямился.

— Приехал!

У каменного столба остановился серо-коричневый джип, а за ним — странное транспортное средство вроде фургона на гусеницах, которое двигалось значительно медленнее джипа и было оснащено спереди и сзади маленькими, игрушечными с виду